

На следующее утро первые лучи рассвета просочились сквозь узорчатые оконные переплеты, и он медленно пришел в себя. Каждое движение отзывалось такой болью, будто по всему телу прошли тяжелым молотом.

Тун Цзыгэ попытался приподняться, но стоило ему напрячься, как резкая боль едва не заставила его снова рухнуть на постель. Стиснув зубы, он, весь в холодном поту, с огромным трудом сумел сесть прямо. В его глазах читались усталость и затаенный ужас. Глядя на свое израненное тело, он невольно дрожал: воспоминания о прошлой ночи, о пережитых унижениях и муках захлестнули его, словно ледяная волна.

В этот момент снаружи послышался приглушенный шепот дворцовых служанок. Прислушавшись, Тун Цзыгэ уловил обрывки новостей. Оказалось, что на днях прибыл посол из Да Ци, и Император отправился за пределы дворца для участия в церемонии. Говорили, что график у него крайне плотный, и он может не возвращаться в течение нескольких дней. Услышав это, Тун Цзыгэ почувствовал, как натянутые до предела нервы немного ослабли.

Тун Цзыгэ не жил в оживленных и роскошных дворцах Восточного или Западного крыла, а уютился в крошечном помещении за Императорским садом. Это место было глухим и до крайности убогим, резко выделяясь на фоне пышных покоев других наложниц. Здесь почти никто не ходил, а за уборкой следила лишь пара слуг.

В этих дворцовых стенах единственным человеком, которому Тун Цзыгэ мог доверять, была Лань Синь. Она приехала вместе с ним из его дома и знала его тайну — то, что он на самом деле мужчина.

После той кошмарной ночи, преодолевая невыносимую боль, Тун Цзыгэ вернулся в свои покои в паланкине. Едва он переступил порог, Лань Синь поспешила к нему навстречу. Увидев его мертвенно-бледное лицо, она едва сдержала слезы, но знала, что сейчас не время для расспросов, и поспешила усадить его.

— Господин, пока вас не было, приходили люди от дефэй, — прошептала она, осторожно наливая ему чаю. — Она прислала несколько служанок, велела вам выбрать, кто останется прислуживать. Еще она прислала ценные снадобья, говорят, лучшие от боли.

— Дефэй поистине добра, — Тун Цзыгэ, слегка подрагивая, взял чашку и сделал маленький глоток, пытаясь унять боль в теле.

— И верно, дефэй так заботлива, — кивнула Лань Синь. — Но господин, как быть с этими служанками? Нас здесь мало, конечно, было бы удобнее, если бы людей было больше, но... — она осеклась, но Тун Цзыгэ понял ее опасения. Лишние люди — лишние глаза, а значит, риск разоблачения возрастает многократно.

Поразмыслив, Тун Цзыгэ тихо сказал:

— Лучше проявить осторожность. Выбери одну, самую тихую и послушную, но прикажи ей не

входить в комнату без вызова.

Сидя в полумраке, Тун Цзыгэ выглядел сосредоточенным. Этот позолоченный дворец на самом деле был людоедской тюрьмой, а жестокость и переменчивый нрав Императора превратили его жизнь в кромешный ад, где каждое мгновение приносило новые страдания. Теперь, когда Император уехал, представился лучший шанс для побега, и терять его было нельзя.

Тун Цзыгэ нашел подходящий предлог, чтобы послать за Лекарем Сюй. В ожидании его сердце сжимала невидимая рука, тревога и страх переплелись воедино. Каждая секунда тянулась как вечность, болезненно ударяя по натянутым нервам.

Вскоре прибыл Лекарь Сюй. Он держался прямо, словно сосна, его лицо было тонким и благородным, а в глазах читалась юношеская живость и чистота. Взгляд Тун Цзыгэ на миг подернулся дымкой воспоминаний, он тихо произнес:

— Лекарь Сюй, давно не виделись.

Услышав этот голос, тот поднял голову. Стоило ему увидеть измученного, покрытого шрамами Тун Цзыгэ, как в его глазах промелькнул шок, сменившийся глубокой жалостью и яростью, которую он едва мог сдерживать. Впрочем, он быстро взял себя в руки и с поклоном ответил:

— Цзыгэ, надеюсь, вы в добром здравии.

Он подошел ближе и мягко сказал:

— Господин, позвольте мне осмотреть вас. — Сюй приложил три пальца к запястью Тун Цзыгэ, и его брови нахмурились. Вскоре он начал осматривать раны на теле, и когда его глазам открылись жуткие отметины, его руки невольно задрожали. Некоторые раны были глубокими следами от красных веревок, другие — болезненными ожогами от воска или синяками от грубого обращения. Тело Тун Цзыгэ было сплошь покрыто этими свидетельствами жестокости.

Сюй Цинцзи с трудом сдерживал дрожь — он не мог представить, через какой ад пришлось пройти Тун Цзыгэ. Его сердце горело от ненависти к мучителю. Сюй Цинцзи был ребенком из боковой ветви семьи матери Тун Цзыгэ. В свое время, из-за бедности, он пришел в поместье Тун в Столице, где, несмотря на юный возраст, уже проявил недюжинный ум. В те дни он и Тун Цзыгэ были близки: Сюй учил его, терпеливо объясняя сложные книги, и они вместе читали стихи в саду. В сердце Тун Цзыгэ Сюй Цинцзи был сродни старшему брату.

Тун Цзыгэ сидел, казалось, еще более хрупкий, чем прежде — дунь ветер, и он рассыплется. Его глаза были полны отчаяния и беспомощности, голос звучал хрипло:

— Брат Цинцзи, я заперт в ловушке. Мои родные наверняка рассказали тебе о плане с мнимой смертью. Это мой единственный путь к спасению. Я знаю, как это опасно, но больше не могу терпеть эту адскую жизнь. Умоляю, ради нашей дружбы и памяти семьи — спаси меня.

Сюй Цинцзи чувствовал, как сердце пронзает боль. Сжав кулаки до побелевших костяшек, он

сделал шаг вперед и опустился на одно колено перед Тун Цзыгэ, взяв его за руки.

— Цзыгэ, не бойся. Раз я дал обещание твоей матери, разве я мог бы просто смотреть, как ты страдаешь? Я сделаю всё возможное, чтобы вырвать тебя из этого ада, какой бы ценой это ни обошлось.

Они договорились о времени, решив, что Тун Цзыгэ начнет притворяться больным. Сюй Цинцзи, полный заботы, предупредил его:

— Цзыгэ, будь предельно осторожен эти два дня. Никаких ошибок в своем представлении. Дворцовые слуги кажутся обычными людьми, но на деле все они крайне проникательны. Твоя болезнь должна выглядеть естественно, словно ты и правда простудился.

Тун Цзыгэ кивнул:

— Брат Цинцзи, я понимаю всю серьезность. Лань Синь надежный человек, с ее помощью мы справимся. Но все равно... мне не по себе. — Его брови нахмурились, в глазах мелькнуло беспокойство.

Сюй Цинцзи похлопал его по плечу:

— Не бойся. Я буду наблюдать из тени и смогу вмешаться, если что-то пойдет не так. Главное — это день побега. Когда примешь снадобье и дыхание временно замрет, главное — не паникуй. Я позабочусь, чтобы тебя безопасно вынесли из дворца.

Все эти дни Тун Цзыгэ не вставал с постели, ступая как по тонкому льду. В покоях стоял густой запах лекарств — для пущей убедительности «спектакля».

На второй вечер тьма, словно плотная черная ткань, накрыла дворец. В комнате свечи дрожали на ветру, отбрасывая беспокойные тени, которые будто тоже дрожали в предвкушении грядущей бури. Тун Цзыгэ, лежа в постели, мысленно считал время: согласно плану, в час быка он должен был принять снадобье Сюй Цинцзи, покинуть это место и навсегда уехать с семьей.

Однако судьба распорядилась иначе. Не успело прийти время ужина, как снаружи послышался шум. Сердце Тун Цзыгэ сжалось от недоброго предчувствия. Следом раздался голос служанки:

— Императрица прибыла!

Эти слова прозвучали подобно грому, до предела натянув и без того измученные нервы. Тун Цзыгэ понял, что дело плохо: визит Императрицы в такой момент — огромная неожиданность. Он хотел было сослаться на болезнь и не выходить, чтобы избежать встречи, но не успел — Императрица уже вошла.

Она была в роскошном дворцовом одеянии, расшитом золотыми нитями, которые ярко сияли в свете свечей. Ее голову украшали драгоценные заколки, чей мягкий блеск подчеркивал ее

высокое положение. В ее глазах читалась забота, она быстро подошла к кровати Тун Цзыгэ и, слегка нахмурившись, нежно произнесла:

— Господин Тун, до меня дошли слухи, что ты захворал. Я так беспокоилась, что поспешила прийти лично. Как ты себя чувствуешь?

Тун Цзыгэ, чувствуя, как сердце колотится в груди, приложил все усилия, чтобы сохранить спокойствие.

— Благодарю Императрицу за беспокойство... — прохрипел он. — Я... кхе-кхе... просто немного простудился. Ничего серьезного, пара дней отдыха — и все пройдет.

Императрица, однако, не отступила. Она обернулась к своим служанкам:

— Позовите моего лекаря, пусть как следует осмотрит господина Тун. Никакой небрежности.

Услышав это, Тун Цзыгэ похолодел. Если ее лекарь начнет осмотр, то станет ясно, что он симулирует, и все усилия пойдут прахом.

— Ваше Величество, не стоит хлопот, — поспешно сказал он. — Болезнь пустяковая, не смею утруждать вашего лекаря.

Императрица, видя такую настойчивость, немного помедлила, но в итоге согласилась. В этот момент евнух с Императорской кухни принес ужин. Изысканные блюда в прекрасной посуде источали приятный аромат, но у Тун Цзыгэ не было ни крошки аппетита — все его мысли были заняты тем, как отвести Императрицу и спасти план.

Императрица взглянула на еду, а затем на Тун Цзыгэ:

— Господин Тун, раз ты болен, за питанием нужно следить особенно внимательно. Эй, пусть лекарь проверит еду.

Служанка ушла и вскоре вернулась с лекарем. Тот достал приборы для проверки на яд и принялся за работу. Вдруг лицо лекаря стало белее мела, и он в ужасе воскликнул:

— Ваше Величество! В еде... яд!

Этот крик, словно огромный валун, брошенный в тихий пруд, поднял страшную бурю. Лицо Императрицы изменилось, в глазах сверкнули гнев и удивление.

— Что происходит?! Откуда эта еда? — сурово спросила она.

Окружавшие их слуги в страхе повалились на колени, и комната погрузилась в хаос и ужас. Тун Цзыгэ, ошеломленный внезапным поворотом событий, широко раскрыл глаза. В его сердце зародилось сомнение: почему это случилось именно сейчас?..

<http://bllate.org/book/22353/2342715>